

Мои московские аспирантские годы были богаты на встречи с известными современниками. На одной из них народный артист СССР Евгений Матвеев рассказывал, что, когда ему предложили в новом фильме по роману Михаила Шолохова “Поднятая целина” сыграть роль комиссара Нагульного, сначала он не мог постичь внутренний мир героя. Когда он приехал в бескрайнюю степь, его воображение покорила цветочная поляна у дороги. Его обдували горячие ветра, заметали сухие пески, а он жил и красовался в суровой стихии. Актёра осенила мысль: ведь такой и Нагульный — стойкий, сильный, несгибаемый.

Этот эпизод вспоминался во время бесед с докторами юридических наук Анатолием Головко, Николаем Юркевичем, Андреем Дуловым, Василем Чигирем и Степаном Дробязко. Жизнь их тоже испытывала на прочность, но они мужественно преодолевали крутые повороты судьбы и стали яркими личностями, корифеями науки.

По дорогам шинельного цвета

Я шёл на встречу с Анатолием Александровичем Головко. Чистая, одетая в нежную зелень улица Заславская выглядела красивой и нарядной.

А. А. Головко встретил приветливо. Пригласил в свой рабочий кабинет, переполненный книгами. Отложил в сторону рукопись, улыбнулся:

— В юности хочется жить веселее, в зрелости — лучше, а в старости — дольше. Вот и я стараюсь по мере возможности творить, чтобы продлить долголетие.

— Но ведь юность Ваша оказалась суровой?

— До войны город Алексеевка бывшей Воронежской, ныне Белгородской области, где я родился, славился шумными торговыми ярмарками и комбинатом, поставлявшим миру отменное подсолнечное масло. Но война нам всё изменила.

Оставив матери записку, Анатолий Головко на попутных машинах добрался до полка, которым командовал отец. Тот определил сына в разведку. А вскоре закалённого в сражениях Анатолия Головко назначили командиром взвода разведки 1100-го стрелкового полка.

Германское командование не разгадало секреты Москвы по развёртыванию масштабной стратегической операции “Багратион”. Оно ожидало летом 1944 го-

да наступление Красной армии на юге с выходом на Балканы и на Львовском направлении, но никак не в Беларуси. Предстояло незаметно осуществить перегруппировку войск, предусмотреть все меры для дезинформации противника, совершая разведывательные вылазки в тыл врага. Часто выбор падал на А. Головко и его товарищей по оружию. Им удавалось добывать многое из того, что требовалось для принятия конкретного плана оперативных действий, от которого зависела жизнь наших солдат и офицеров.

Следует сказать, что на территории Беларуси вермахт создал мощные оборонительные укрепления на высотах, узлах дорог, в населённых пунктах. Поэтому схватки здесь отличались исключительной ожесточённостью. Не прекращались они и в трескучие морозы. Простывшие, измотанные атаками фрицы теряли самообладание и в деревне Ляды расстреляли около 1 200 мирных граждан. Зверских расправ нелюди учинили немало. На Витебщине погиб каждый второй её житель.

В рядах красноармейцев росли ненависть и презрение к врагу. Они не оставляли его в покое ни днем, ни ночью, старались побеждать не только храбростью, но и хитростью, мастерством, выдержкой. В минуты передышки согрела душу, вдохновляла на героические поступки знаменитая песня “Землянка”.

Отдельные опорные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Тогда возникла идея выполнить более ограниченную задачу в северной части Витебщины, где, как установила разведка, немецкая тактическая оборона включала две полосы. Первая из них – глубиной до 6 километров – имела прочную эшелонизированную систему траншей с проволочными заграждениями и минными полями. Вторая полоса была подготовлена слабее в инженерном отношении. Артиллерии и авиации предстояло нанести сокрушительные точечные удары, а стремительным прорывом пехотинцев отбросить врага с одного рубежа на другой с последующим развитием успеха.

– Нам рассказывали, да и позже я и сам читал в мемуарах, – вспоминает Анатолий Александрович, – что, когда автор разработанной Витебско-Оршанской операции генерал-полковник И. Д. Черняховский, командующий войсками Западного и 3-го Белорусского фронтов, докладывал о ней Сталину, тот остался доволен замыслом. Хотя Верховному Главнокомандующему было известно, что немецкая группа армий “Центр” во главе с фельдмаршалом фон Бушем получила грозный приказ Гитлера удерживать боевые позиции в Беларуси, как в самой Германии.

Полк, в котором воевал А. Головко, пробивался в Дубровно. Серьёзной преградой на пути наступления оказалась река Мерея с глинистым дном и заболоченной поймой. К тому же левый берег, на котором закрепились фашисты, был выше правого и усеян множеством дотов и дзотов. Кипели жёсткие, кровопролитные бои. Под мощными атаками наших войск, взаимодействовавших с партизанами, рушилась монолитность вражеской обороны. Разведка доложила о том, что на стыке 36-го и 71-го стрелковых корпусов образовался выступ в немецких позициях. Это было использовано для нанесения губительного огня по оккупантам с тыла. Оказавшись под угрозой окружения, немцы дрогнули и отступили. На рассвете 26 июня 1944 года А. Головко со своим взводом в числе первых ворвался в город. Теперь он является почётным гражданином этого города.

– Не успели мы перевести дыхание, – рассказывает Анатолий Александрович, – как последовала команда выдвигаться к Орше. Предстояло её обойти с севера и закрыть врагу пути отхода на запад. И это несмотря на то, что город был оккупирован войсками генерала Траута, считавшегося у немцев мастером обороны. Её взламывали танковые клинья. Войска 3-го Белорусского фронта продвигались быстро. За отличное руководство ими И. Д. Черняховскому было присвоено воинское звание генерала армии, а Москва от имени Родины салютовала легендарным патриотам. Было захвачено большое количество пленных и боевой техники.

Однако чем меньше у гитлеровцев оставалось надежд, тем яростнее они сопротивлялись. Показательна в этом смысле Кёнигсбергская операция, в которой старший лейтенант Анатолий Головко принимал участие. Цитадель фашизма в Восточной Пруссии Гитлер приказал защищать до последнего солдата. К тому же вермахт перебросил сюда крупные силы с соседних фронтов.

Продвижение к берегам Балтийского моря сопровождалось ненастной погодой. Затяжные дожди размыли дороги, залили поля и болота. Всем было трудно. Нелегко было и разведчикам, действовавшим на переднем крае в полосе штурмовых групп и отрядов, усиленных артиллерией, танками, авиацией и сапёрами. Приходилось маневрировать, атаковать встречными ударами там, где обозначались во вражеских позициях уязвимые места.

Откатываясь назад, враг превращал железобетонные сооружения в настоящие крепости. Необходимо было лишить его возможности отходить на заранее подготовленные рубежи. Для достижения этой цели внесли существенные изменения на направлении главного удара. Разведка подтвердила, что это застигло фрицев врасплох. Для оценки реальной ситуации на один из командных пунктов отправился И. Д. Черняховский. По дороге позади машины разорвался вражеский снаряд. Осколки повредили спину командующего, и его срочно доставили в ближайший медсанбат. Но рана, к сожалению, оказалась смертельной. В лице Ивана Даниловича Красная армия потеряла 38-летнего талантливого полководца. А бойцы поклялись подавить оплот немецко-фашистского милитаризма в Восточной Пруссии. И 9 апреля 1945 года Кёнигсберг пал. А. Головка за проявленный героизм удостоился очередной боевой награды.

— В начале того же года, — продолжает Анатолий Александрович, — у наших западных союзников в Арденнах сложилась сложная обстановка. Советский Союз, верный своим обязательствам, бросил в наступление от Балтики до Карпат более 150 дивизий. Однополчан тут же на 169 грузовиках отправили на юг. Машину, возглавлявшую колонну, вёл я. Рядом в кабине сидел майор. Мы с ним любовались весенним обновлением природы и радовались тому, как повсюду сердечно встречали советских воинов. Пересекли Судетские горы, оказались в Словакии и Австрии. Местные жители буквально забрасывали солдат и офицеров цветами, плакали. Подбегали и угощали, кто чем мог. Войну я закончил в Вене. Получил три медали “За отвагу”, две во время боёв потерял.

Своими ратными подвигами Анатолий Головка заслужил право быть участником Парада Победы в Москве. Тот день, 24 июня, выдался пасмурным, но тёплым. Никогда не забыть фронтовику, как маршал Жуков выехал на белом коне на Красную площадь. Оркестр грянул “Славься!” Глинки, разнеслось дружное “ура”. От возбуждения мороз по коже побегал. А затем был торжественный приём в Кремле. Разведчик впервые увидел Сталина. На его лице была усталость — сказалось тяжёлое бремя войны.

Демобилизовавшись, А. Головка приехал в родную Алексеевку. Она лежала в руинах. Досдал экзамены в школе и по поводу будущей профессии посоветовался с отцом. Вчерашний командир разведвзвода подал документы и поступил в Харьковский юридический институт. После его окончания работал прокурором в Кривом Роге, боролся с преступностью и беспризорностью. В шахтёрском городе не задержался — через полгода отозвали в аспирантуру. Досрочно защитив кандидатскую диссертацию, преподавал в вузе гражданское право, обзавёлся семьёй. Со временем, уже в Минске, стал доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Республики Беларусь, подготовил 52 кандидата и 8 докторов наук. Не одно поколение юристов пользуется трудами учёного, наслаждается их высокой мыслью и аргументированным словом. За большой вклад в организацию и обеспечение учебного-воспитательного процесса Головка присвоено почётное звание “Заслуженный работник БГУ”.

То и дело звонит телефон. Из Дубровно приглашают А. А. Головка приехать на встречу с молодёжью и заодно побывать на местах бывших боёв. Воин-профессор, чьё мужество отмечено двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны и почти двадцатью медалями, восхищается свершениями тружеников райцентра, которые преобразили и благоустроили его, бережно оберегая героическое и духовное наследие. Заботливая жена Нина Викторовна, четыре десятилетия проработавшая доцентом филологического факультета Белорусского государственного университета, передает мужу принесённый почтальоном конверт из Фрунзенского райвоенкомата г. Минска. Анатолий Александрович вчитывается в слова искреннего поздравления с праздником Победы, и его глаза светятся.

Вот и я пожелал уважаемому Анатолию Александровичу здоровья, благополучия и новых успехов на благородной научной ниве!

“Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой...” Когда Николай Григорьевич Юркевич слышит по радио эти волнующие слова из знаменитой песни, невольно вспоминает своё военное детство. И каким-то непостижимым образом всплывают эпизоды того грозного времени, подвергшего жесточайшему испытанию на прочность каждого человека.

— Когда стало ясно, — рассказывает Николай Григорьевич, — что опасность оккупации реальна, мы собрались в беженцы. Взяли с собой наиболее нужные вещи, закрыли дом, вышли на улицу. И тут сыпанул густой дождик. Приостановились. Сосед, живший напротив, пригласил нас к себе. Это был опытный солдат. Он заблаговременно соорудил в своём саду блиндаж, то есть выкопал траншею, сверху в два наката накрыл её бревнами и присыпал слоем земли. Получилось достаточно прочное убежище, в котором спрятались обе наши семьи.

Немецкая танковая колонна шла к Сергеевичам со стороны Шацка. Наткнувшись на сопротивление небольшой группы отчаявшихся советских солдат, вооружённых только винтовками и ручным пулемётом, немецкие танки свернули с шоссе, взяли деревню в клещи и ударили по ней зажигательными снарядами из пушек и пулемётов. Десятки домов под соломенными, пусть и немного подмокшими крышами в одно мгновение охватило гудящее пламя. В горящих сараях истошно мычали пригнанные с пастбища коровы, визжали в огне свиньи, ржали лошади. Было жутко. Через какое-то время я просто отключился. Когда очнулся, рядом уже никого не оказалось. Вылез из блиндажа и увидел вместо хат ряды обугленных печей. Однако наш дом, на удивление, уцелел.

На улице стояли уже не танки, а грузовики. В них сидели солдаты в камуфляже, который не был характерным для Красной армии. Но примерно за месяц до войны в нашем клубе показывали фильм “Граница на замке”, и там советские пограничники красовались в камуфляже. Я сопоставил это и решил, что подоспело боевое подкрепление, очистившее деревню от фрицев. Подошёл к беседовавшим о чём-то отцу и моему школьному учителю, которые и объяснили мне реальную картину.

Представьте, у меня, молодого, ещё не обстрелянного, не было никакого страха. Жуткие картины воспринимал я, как на экране в кино. Безусловно, они производили тяжёлое впечатление. Но повторяю: страха не было.

В уцелевшем доме мама затопила печь. Заметив вьющийся из трубы дымок, в хату ввалился немецкий солдат, держа в руках жирный после завтрака котелок, и потребовал помыть его. Мама налила в котелок кружку холодной воды, поболтала и вылила в помойное ведро. Немец рассердился, сам вытащил из печи чугунок с горячей водой и вымыл свою посудину. Успокоившись, стал на пальцах объяснять, что через два с половиной месяца они будут обедать в Москве в самом лучшем ресторане.

Вскоре вражеская колонна ушла и в деревне появились другие фрицы. На сей раз — пропагандисты. Они остановились у здания правления колхоза, собрали сельчан в зале, на стене которого висела карта мира. Офицер стал на ней показывать, что как только немецкая армия осенью дойдёт до Урала, она вернётся в Западную Европу и расправится с ненавистой Англией. Для большей наглядности он колотил по Британским островам кулаком и приговаривал: “Пам, пам, пам!”

Один мужик спросил:

— А что будет за Уралом?

— Это уже компетенция нашего союзника — Японии, — последовал ответ. Назавтра я впервые услышал из уст оккупантов, прочёсывавших деревню, слова о партизанах. Приметив отца, который был в брюках коричневого цвета с узеньким красным кантиком, один из них заорал:

— Это — партизан. Будем идти назад, он откроет огонь.

Отец пояснил, что он — железнодорожник. Неизвестно, какая последовала бы реакция, но раздалась команда “По машинам!”, и гитлеровцы удалились. Отец со зла выругался:

— Понимают, сволочи, силу народного возмездия.

И при любом удобном случае убеждённо говорил людям:

— Один завоеватель и Москву захватил, а затем не солоно хлебавши еле унёс ноги в свою Францию. Потерпит крах и Третий рейх. Надо давать врагу решительный отпор.

Когда оккупантов изгнали с нашей земли, жена сбежавшего полицая сказала об отце:

— Які ж гэты Грыша прадбачлівы і хітры, ёніжа з самага пачатку верыў у перамогу савецкай улады.

Едва не последний день наступил для Сергеевичей осенью 1941 года. Через деревню по шоссе Шацк-Руденск прошли вражеские автомашины. На подъезде к соседней Пристанни их кто-то сильно обстрелял. Убитых и раненых было много. Мужчин и женщин, пришедших с поля, где убирали картошку, а также детей и стариков нагрянувшие немцы согнали к зданию бывшего сельсовета. Выстроив людей в несколько рядов, немецкие солдаты легли за пулемёты. Жители оказались на грани гибели. Беду отвёл староста. Это был односельчанин, который в Первую мировую войну попал в плен и спустя годы вернулся домой с немецкой женой. Она не выходила на улицу, и я её ни разу не видел, хотя мой одноклассник дружил с их сыном. С появлением гитлеровской директивы о назначении старост сельчане уговорили его (он всячески сопротивлялся) взять на себя эти обязанности. Ему удалось убедить немецкого полковника в невинности односельчан. Но бывшего председателя колхоза и ещё нескольких жителей деревни для устрашения населения расстреляли.

— Приблизительно через неделю тучи сгустились над Пристанью, — вспоминает Юркевич. — Каратели уничтожили всех: согнали в большое гумно и подожгли его, а тех, кто выпрыгивал из огненного пекла, косили пулемётными очередями. На перекрёстках дорог висели немецкие приказы, каждый из которых оканчивался словами: “За неисполнение — расстрел”. Это, конечно, возымело обратное действие. Люди добровольно пополняли ряды народных мстителей.

Моё участие в партизанской борьбе началось со сбора в окрестных лесах брошенного оружия. Я прятал его в надёжные места. Уйдя в партизанский отряд, отец присылал за ним связных. Мне удалось вооружить винтовками до взвода бойцов. За это в отряде имени Суворова я стал считаться начальником боепитания, а потом служил рядовым, вместе со взрослыми выполнял задания командования. Разумеется, наши действия не всегда были успешными.

Однажды около деревни Ковалевичи, находящейся в трёх километрах от Шацка, где располагался вражеский гарнизон, наша группа устроила привал. Несколько человек, в том числе и я, отпраздновали в разведку. Нам двинулись немцы с полицаями, и мы попали в ловушку. Тогда погиб мой лучший друг Ростислав. Это была тяжёлая утрата. Память о нём я сохранию до конца моей жизни.

Неизгладимые воспоминания связаны с “рельсовой войной”. Она развёртывалась на коммуникациях, которые вермахт использовал для переброски живой силы и техники. К каждой боевой операции тщательно готовились. Партизанам из-за линии фронта самолётами сбрасывали толовые шашки. Однако их обычно не хватало. Недостаток восполняли за счёт вытапливания тола из снарядов, собранных в лесах. Делалось это таким образом. Разводился костёр, над ним вешали котёл с водой, в него опускался снаряд. Затем его вытаскивали, а расплавленный тол выливали в деревянную коробку, в которой было отверстие для запала.

На диверсионную операцию выходило 5-6, иногда 8 человек. Ночью под железнодорожное полотно закладывали мину, от неё тянули шнур в придорожный лесок и дёргали за него, как только приближался вражеский поезд. Немецкие эшелоны, идущие на фронт, летели под откос.

С появлением у партизан противотанковых ружей (ПТР) уже не надо было ползти к сильно охраняемой немцами железной дороге, а паровозы расстреливали с расстояния. Подбитые махины свистели паром, замедляли ход и останавливались. Требовалось определённое время для заделывания пробоин. У партизан появилась возможность легче и безопаснее выводить коммуникации из строя.

Широкий размах приобрела “рельсовая война” в Беларуси летом 1943 года. По приказу Центрального штаба партизанского движения в ночь на 3 августа во всех областях республики на железные дороги вышли тысячи подрывни-

ков. Только партизаны нашего Минского соединения подорвали почти 8 тысяч рельсов. Значительные повреждения получила стратегическая дорога Брест–Москва, серьёзный ущерб нанесли магистрали Молодечно–Минск.

Чёткие, слаженные действия бойцов вызывали панику в немецких штабах и тыловых учреждениях. Об этом, в частности, свидетельствовало перехваченное донесение командира корпуса охранных войск в штаб немецких армий “Центр”: “Партизанами проведена операция небывалых размеров по срыву наших перевозок путём планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения”.

В канун наступательной операции “Багратион” наша бригада передислоцировалась в Западную Беларусь. Там партизаны разрушали линии связи, удерживали до подхода Красной Армии переправы на реках, выявляли характер вражеских оборонительных сооружений. Как-то местные антифашисты сообщили, что в Гута-Михалинском лесу оккупанты занялись сооружением большого дзота. Мы устроили засаду и уничтожили 15 немецких солдат, которые направлялись на строящийся объект.

Николай Григорьевич прервал воспоминания, призадумался. Посмотрев на меня добрыми, умными глазами, спросил:

– О чём ещё Вы хотели бы услышать?

Я поинтересовался:

– Что Вами двигало в ту тревожную пору?

– Большое желание быстрее одолеть врага. Оно открывало духовные ресурсы, придавало новые силы. Не передать словами те светлые чувства, которые охватили нас в незабываемый день 9 мая. Это была всеобщая, ликующая радость!

– Как складывалась Ваша послевоенная жизнь?

– Снова сел за парту и продолжил учёбу. Четыре класса (с 7 по 10) прошёл за два года, школу окончил с золотой медалью.

Имея отличный аттестат зрелости и боевые награды, я мог поступить в любой вуз. Сперва документы за компанию с товарищами отправил в Московский авиастроительный институт. Меня приняли и дали общежитие, а друзьям в предоставлении общежития отказали. Будучи человеком хоровым, я с ними вернулся в Минск. Собирался стать журналистом. Но в конце концов, избрал Минский юридический институт. И об этом нисколько не сожалею.

Последний государственный экзамен по трудовому праву у выпускников принимал наш директор Гавриил Алексеевич Поветьев. Он мои ответы оценил так высоко, что даже пригласил в аспирантуру, хотя я уже распределение получил в Комитет государственной безопасности. Подумав, я согласился. Так в 1950 году начался мой путь в науку. Успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, заведовал кафедрой, стал заслуженным юристом Республики Беларусь, готовил достойную научную смену. Горжусь теми, кого учил и воспитывал.

– И всё это время трудитесь на юридическом факультете БГУ?

– Были у меня кое-какие скоки-вбоки, – улыбается Николай Григорьевич. – Но с юрфаком не порывал связи даже в период, когда возглавлял социологическую лабораторию университета. В этой лаборатории я, в частности, руководил подготовкой комплексного плана социально-экономического развития Минска на обозримую перспективу. Это была серьёзная, ответственная работа, и мы с ней с честью справились. Меня удостоили медали ВДНХ СССР. Хорошую школу я прошёл и на посту председателя Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате. Приобретённый практический опыт позволяет легко находить взаимопонимание со студентами, которые, как известно, особенно уважительны к тем, кто и сам попробовал нелёгкого судейского “хлеба”.

– И в заключение, Николай Григорьевич, такой к Вам вопрос: какие моменты в работе со студенческой молодёжью считаете ключевыми?

– Наряду с углублённой теоретической и практической подготовкой нужна эффективная идеологическая работа. Без неё нельзя. И очень правильно, что государство её проводит. Каждое воспитательное мероприятие следует наполнять увлекательными формами, обогащать позитивным содержанием с тем, чтобы развивать у юношества нравственную чистоту, высокую духовность, творческую одержимость, благородные качества гражданина и патриота родного Отечества.

В свои 83 года профессор Н. Г. Юркевич энергичен и подтянут, читает лекции студентам. В манере разговора и поведения чувствуется интеллигентность, внутренняя культура и преданность науке.

У берегов сумрачной Ладоги

Жизнь каждого человека — поистине великая книга. Полистаешь её страницы и откроешь тайны, надёжно спрятанные в подсознании.

Доктор юридических наук Андрей Васильевич Дулов не любит заниматься мемуарной беллетристикой. Зачем, дескать, ворошить прошлое, тяжёлым грузом лежащее на сердце. А тут вдруг открылся, как на духу. Потрясённый услышанным, я подумал: какие жёсткие отметины оставили на нём война и время. В экстремальных ситуациях он обретал себя, проявляя решительность, веру в то, что всё получится, уладится.

Андрей Васильевич — коренной ленинградец. Родился в семье профессора философии Василия Николаевича Дулова, в течение ряда лет работавшего в аппарате первого секретаря губкома (обкома) партии С. М. Кирова. После убийства Сергея Мироновича началось «избиение» питерских кадров. Отец, как и многие другие, оказался в беде. Даже по тем временам понимали, что он ничего плохого не сделал, тем не менее его осудили на 5 лет и сослали к верховьям реки Печора. Через полгода в тюрьму посадили мать. Двое детей не имели ни кормильцев, ни средств к существованию. Трёхлетнюю сестричку Марину забрал к себе в Ярославль старший брат отца Владимир. Андрей же продолжал посещать школу. Таких учащихся в классе было немало. Среди них ставшие впоследствии известными учёные, деятели литературы и искусства. Благородные педагоги совершили гуманнейший поступок: они решили выдавать стипендии ученикам, оставшимся без двоих родителей.

После семилетки Андрею советовали пойти в ремесленное училище. Но он поступил на завод «Красная заря» учеником электромонтёра. На предприятии изготавливали телефонные аппараты.

— Из таких, как я, «сопляков», — улыбается Андрей Васильевич, — создали отдельную бригаду. Все мы старались, получали рабочие разряды. Вскоре меня назначили бригадиром и избрали комсоргом электроремонтного цеха. Забот прибавилось. Надо было готовить и проводить собрания, организовывать различные общественные мероприятия, спортивные соревнования.

Работа на заводе дала мне многое: уважение к труду, чувство товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки, собранность и упорство в достижении поставленных целей. Школа рабочего коллектива закалила характер, упрочила ответственное отношение к жизни.

Известие о войне застало А. В. Дулова под Выборгом, где он в заводском пионерском лагере проводил электросеть. Население как-то посуровело. Бомбежек ещё не было — они обрушились в конце июня 1941 года. По полям, наливавшимся хлебом, поползли тёмно-зелёные, почти чёрные танки с белыми крестами на боковинах, втапывая в землю тучные ржаные колосья.

В Ленинграде развернулась грандиозная работа по формированию народного ополчения. На собрании комсомольской группы было единогласно принято решение всем влиться в его ряды. Однако в райвоенкомате кандидатуру Андрея отклонили из-за непризывного возраста. Тогда шестнадцатилетний юноша снова пошёл в райвоенкомат и прямо заявил:

- Запишите меня в ополченцы. Буду Родину защищать!
  - Что ты умеешь? — спросил офицер.
  - Я окончил школу ДОСААФ. Хорошо стреляю из пулемёта, ружья.
- Военком посмотрел в заявление и уточнил:
- Ты что, комсомольский вожак?
  - Да!
  - И бригадир на заводе?
  - Так точно!

Офицер куда-то позвонил, навёл справки и направил парня в танковое подразделение, которое предполагалось создать в дивизии народного ополчения, мотивируя это тем, что он знает технику. Бронированные машины ещё не подошли, и новобранца с такими же сверстниками перевели в обычную часть. В Ленинграде их обмундировали, выдали винтовки. Непосредственное

обучение искусству боя проводили в военном городке, располагавшемся в районе Красного села.

Здесь же, в лагере, перед отправкой на фронт происходило окончательное распределение по подразделениям. А. В. Дулов попал в миномётную роту. Учитывая имеющийся опыт работы бригадиром на предприятии и наличие девяти классов образования, Андрея назначили командиром отделения. К сожалению, миномёты не поступили, и роту преобразовали в пулемётную. Соответственно он стал командиром пулемётного отделения, приписанного к 5-й роте 3-го полка 1-й дивизии народного ополчения. Уже в начале августа бывшие заводчане, суворовцы, студенты педагогического института имени Герцена вступили в сражение с фашистами.

— В первые дни на фронте, — вспоминает Андрей Васильевич, — мы столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, ополченцы совсем не умели окапываться — их этому не учили. Поэтому подразделения несли ощутимые потери. И мы всё больше убеждались в том, что необходимо закапываться в землю: рыли окопы, создавали укрытия.

Бои приняли ожесточённый характер. Моторизованные части немцев с воздуха поддерживала авиация. Ополченцы дрались отчаянно, защищая свой город.

Гитлер негодовал и впадал в истерику, недоумевая, почему его войскам не удаётся задушить, затопить, сравнять с землёй город на Неве.

Фюрер вызвал в Берлин командующего группой армий “Север” фон Лееба и категорически приказал предпринять 16 сентября 1941 года новый штурм Ленинграда с тем, чтобы захватить непокорённый “остров” в три с половиной тысячи квадратных километров у холодной, сумрачной Ладоги. Успех операции позволил бы вермахту соединить с финнами застрявшие здесь регулярные части и бросить их в обход с северо-востока на Москву.

Надеждам Гитлера осуществиться было не суждено. Жители Ленинграда давали врагу яростный отпор. Их стойкость и героизм не сломали ни железные тиски блокады, ни массовые жертвы, ни голод, ни холод.

— Наряду с народным ополчением, — подчёркивает Андрей Васильевич, — чудеса героизма проявляли другие формирования. В частности, вместе с нами решительно действовали танки. Они всё время маневрировали и беспощадно громили оккупантов. Командование танковой группы договорилось с нашим командованием о её прикрытии от вражеской пехоты пулемётным огнём. Отделение справлялось с поставленной задачей. А когда мы попали в окружение, на помощь пришли танкисты, с которыми мы крепко подружились.

Одним ранним утром майор-танкист сообщил:

— Нам дан приказ уходить большим рейсом. Уничтожайте фрицев, не пропускайте гадов в Ленинград.

Крепкие рукопожатия, напутственные пожелания. Отделение А. В. Дулова держало оборону на одном из участков в 20-ти километрах от Пулково. Немцы открыли дикую миномётную стрельбу. Били по квадратам так, что не оставалось живого клочка земли.

— Тогда меня тяжело ранило, — рассказывает Андрей Васильевич. — Сначала — в ногу, затем оторвало руку. Потерял много крови. Казалось, жизнь на взлёте оборвалась. Но спасение пришло. Мимо проходила кавалерийская часть. Её командир распорядился подобрать раненых. Нас усадили на лошадей и переправили подальше от передовой. Там положили в “эмку”, видимо, большой начальник уступил машину, и отвезли в город. Сильно разболелись раны, и я потерял сознание. Когда очнулся, врачи сообщили: “Начинается гангрена. Придётся ампутировать ногу”. Я по-мальчишески разревелся и стал умолять их спасти ногу. Медики вынули осколки, долго чистили рану, наложили гипс. Спустя какое-то время под бомбёжками в санитарном поезде отправили на Большую землю. Вот и всё. Так закончилась моя боевая эпопея.

Хотя как сказать. Незримая война шла ещё полтора десятилетия за правду, равносильную нравственности, за доброе и честное имя.

В голубых, под густыми серебристыми бровями глазах А. В. Дулова блестят слёзы. Он молчит, думает о чём-то своём. Волевым лицом светлеет, и ветеран продолжает:

— В госпитале в городе Каменск-Уральский раненые в основном были ленинградцы. Сердечные, квалифицированные люди в белых халатах прилагали

ислия к тому, чтобы вернуть их в строй. Поставили на ноги и меня. По вечерам вслушивался в сводки Совинформбюро, ловил каждую весточку из сражающегося родного города. Верил, что он выстоит, победит! На фронт, естественно, не послали. И я простой, обычный вояка, в 1942 году приехал в Ярославль, пошёл в школу, окончил десятый класс. К этому времени уже освободили отца. Ввиду того, что он болел туберкулёзом, по состоянию здоровья его никуда не брали. Младший брат отца Алексей лихо воевал за всех нас, дослужился до генерала.

Встал вопрос выбора профессии. До войны мечтал быть электротехником. На заводе “Красная заря” ко мне хорошо относились опытные мастера, и я освоил тонкости релейной защиты. Тогда это было сродни нынешнему умению обращаться с атомной техникой. Но с одной рукой не разгонишься. После некоторых раздумий поехал в Казань и поступил в юридический институт. Проучился недолго. Бабушка прислала письмо, в котором сообщала, что отец очень плох, просила приехать к ней. Пришлось бросить учёбу, чтобы в Ярославле подставить плечо родным и близким.

Отец, к счастью, пошёл на поправку, взял многие домашние хлопоты на себя. Я снова задумался об учёбе. Как раз при городской коллегии адвокатов организовали шестимесячные курсы подготовки адвокатов. Меня туда зачислили. Курсы приравнялись к среднеюридической школе. Это было моё первое образование. Работал по специальности.

В мае 1944 года Андрей Дулов получил от блокадницы-тёти вызов вернуться в Ленинград. Устроился сначала в районную, а затем в городскую прокуратуру. Расследовал громкие дела, выступал в периодической печати со статьями на правовые темы. Как лучшего следователя, его послали в Москву на Всесоюзное совещание. Отметив его активное участие в дискуссиях, предложили должность следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.

— И здесь моё восхождение, как у того альпиниста, оборвалось, — резюмирует собеседник. — Когда столичные кадровики прочитали, что родители осуждены, сразу же отправили домой.

А. В. Дулов умел управлять своей волей, которая помогала преодолевать трудности, невзгоды. Он с головой окунулся в работу. Заочно заканчивал Ленинградский юридический институт. Председателем государственной экзаменационной комиссии был ректор Ленинградского университета Шаргородский. Восхищённый глубокими знаниями выпускника, сказал:

— Приходите, Андрей, к нам на кафедру, на первых порах почасовиком.

А. В. Дулов согласился. Положительно зарекомендовав себя и на этом поприще, получил приглашение в аспирантуру.

И тут какая-то мелкая завистливая душа, заурядная убогая “серость” вспомнила о “происхождении” будущего маститого учёного. Состряпала докладную записку, и на бюро горкома ВКП(б) А. В. Дулова исключили из партии.

Дальше произошла удивительная вещь. На заседание парткомиссии обкома пригласили прокурора. Он по какой-то причине не явился и прислал своего первого заместителя. У него спросили:

— Как вы допустили, что у вас работают кадры с запятнанной репутацией? Полковник в ответ рубанул, как отрезал:

— Если бы у нас в городе было с десятков Дуловых, мы беды не знали бы. Его храбрость потрясла Андрея. Полковнику пригрозили:

— Разберёмся и с вами.

— Разбирайтесь, — зло бросил он.

Принципиальность первого заместителя прокурора города Ленинграда возымела действие. Вместо исключения из членов ВКП(б) А. В. Дулову объявили строгий выговор. С ним он защищал кандидатскую диссертацию.

— Самое интересное происходило потом, — отмечает Андрей Васильевич. — В середине 50-х годов началась активная реабилитация жертв произведенного ранее террора. В соответствии с этим родители — отец и мать — были восстановлены в партии с 1919 года и награждены орденами, а имевшиеся против них уголовные дела прекратили из-за отсутствия состава преступления. Тогда же отменили и возложено на меня партийное взыскание.

В конце 1957 года в жизни Андрея Васильевича произошёл крутой поворот. В город на Неве приехал Меркушов, заведующий кафедрой юридического факультета Белорусского государственного университета, и передал А. В. Дулову приглашение проректора по науке Поветьева занять вакантное

место доктора. Предложение было принято, и вот уже 53 года он плодотворно трудится в ведущем вузе Беларуси. Обладая широкой научной эрудицией, успешно защитил докторскую диссертацию и стал первым в Беларуси доктором юридических наук. Опубликовал десятки книг, брошюр, статей, за что удостоился премии имени Пичеты. Подготовил достойную научную смену. Его заслуги отмечены государственными наградами. Помимо орденов Отечественной войны I и II степеней, многих медалей, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Республики Беларусь.

В свои 87 лет Андрей Васильевич старается не отставать от времени. Сейчас занят научными изысканиями в области этических проблем. Мощным объединительным потенциалом обладает Победа. Это, по мнению профессора, та ключевая национальная идея, которая консолидирует и сплачивает нацию. Поэтому никому нельзя позволить бросить тень на нашу главную святыню.

— В этих вопросах я не оригинален, — замечает собеседник. — Попробуйте в Англии даже намекнуть на военную несостоятельность Черчилля, вас отдадут под суд.

Таков он, Андрей Васильевич Дулов, мужественный, мыслящий и работающий патриот-профессор, не посрамивший своей земли в годы военного лихолетья и ясно представляющий нынче, что необходимо делать для дальнейшего упрочения духовных устоев государства и общества.

Любовь, взаимопонимание, дружба царят и в семье. Хозяйка Эмма Григорьева, врач по профессии, с полуслова понимает супруга. Их сын Владимир проявил себя на ниве культуры и науки. Невестка Катя (Екатерина Николаевна) тоже известный человек. Она — доктор искусствоведения, профессор, недавно назначена ректором Белорусской академии музыки.

И это называется счастьем

Настоящее и будущее вытекает из прошлого. Для доктора юридических наук Василия Фёдоровича Чигира память — нравственная опора человека. Выбить её — значит нарушить, прервать связь времён, преемственность поколений.

Василий Чигир видел все ужасы варварского нашествия своими глазами. В их деревню нагрянули оккупанты. Они согнали жителей на небольшую площадь у сельмага и, угрожая оружием, потребовали беспрекословно выполнять требования. За неповиновение — расстрел. В принудительном порядке назначили старостой мужика, который в Первую мировую войну побывал пленником у кайзеровцев и мог разговаривать по-немецки. Кстати, в этой роли он пробыл недолго. Фрицы его повесили за разглашение якобы информации о том, что у них есть намерение в двухэтажном здании школы, стоявшем на отшибе, расположить немецкий полицейский гарнизон. Ночью её сожгли, за что староста поплатился жизнью.

Гитлеровцы снова согнали сельчан и потребовали выдать тех, кто устроил поджог. Не добившись признания, угнали скот с крестьянских подворий, а бывшим военным приказали прийти и зарегистрироваться в рейхскомандатуре. Без слов понятно, чем это могло обернуться.

У Чигира было два двоюродных брата — Павел, офицер запаса, и Гриша. Не раздумывая долго, они ушли в лес, в партизанский отряд, который быстро разрастался. Василий присоединился к нему и взял с собой. Однако они оставили парня в деревне и дали наказ:

— Опирайся на надёжных земляков. Узнавай, что, где, и передавай сведения в отряд. Заодно присматривай за нашими родителями.

Наступила первая военная зима с трескучими морозами и злыми метелями. Около соседней деревни Мацкевичи партизаны уничтожили телефонно-телеграфную связь. На рассвете каратели обрушились на Лешню. Увидев, как они рассыпаются в цепь, отец послал Василия предупредить об опасности семьи партизан Павла и Гриши. Приоткрыв дверь, бросил с порога:

— Прячьтесь, нас окружают.

У них во дворе была землянка, засыпанная снежными сугробами. В ней все укрылись, кроме хозяйки, которая решила уберечь швейную машинку. Фашисты ввалились в хату, схватили её и увели. Женщина мужественно держалась, не проронив ни слова. Её повесили. Изверги казнили и других ни в чём не повинных сельчан.

Битые под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге немцы склоняли голову к сотрудничеству с ними. Распространяли листовки, призывающие вступать во вспомогательные воинские формирования и отряды СС. Затем началась принудительная вербовка 15–20-летних юношей для службы на фронте и в тылу.

Василий Чигир настоял на переходе в партизанский отряд имени Чапаева. Первое боевое крещение получил в окрестностях Копыля. Овладел мастерством подрывника. Накануне наступательной операции “Багратион” бойцы разгромили неприятельские блокпосты, заминировали двухколейку, пролежавшую между Копылем и Слуцком. По условному сигналу на большом расстоянии так рвануло, что зрелище было видно на многие километры. Огромный успех окрылил народных мстителей. Они захватили, очистили от неприятеля районный центр и удерживали его до прихода Красной армии.

Посильную помощь ей оказывали партизанские бригады в ходе подавления 105-тысячной вражеской группировки, зажатой в кольце восточнее белорусской столицы. Маршал Советского Союза Георгий Жуков в своей книге “Воспоминания и размышления”, вышедшей в 1971 году, особо подчеркнул, что “в числе 57 тысяч пленных оказалось 12 генералов, из них 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий”. Деморализованные и павшие духом, они на допросах твердили: “Германия капут”, “Гитлер капут”.

Отряд имени Чапаева направили в Минск на партизанский парад, назначенный на 16 июля 1944 года. “От Копыля, – рассказывает Василий Федорович, – шли пешком, вылавливая по пути следования отбившихся от частей немецких солдат. Истощённые и измученные годами оккупации жители столицы радовались освобождению. На глазах многих выступали слёзы”.

Под звуки духового оркестра парад состоялся на набережной реки Свислочь в районе нынешней улицы Красноармейская. Это было событие огромного морально-политического значения, вдохнувшее веру в неизбежную победу над вражескими силами. Теперь в его честь установлен мемориальный знак, куда часто приходит Василий Федорович Чигир.

Назавтра, 17 июля 1944 года партизаны, затаив дыхание, слушали по радио репортаж из Москвы, где проходил “парад” поверженных “победителей”. По её улицам советские конвоиры провели более 50 тысяч пленных гитлеровских солдат и офицеров с поникшими головами. Так беславно и позорно закончилась варварская авантюра вермахта. Урок назидательный!

Но до полного разгрома нацизма оставались ещё многие месяцы ожесточённых сражений. Партизанские формирования перебросили на берлинское направление. Отряд имени Чапаева протопал до Вильни. Там лесных бойцов распределили по армейским частям. Василий Чигир попал в 742-й стрелковый полк 164-й дивизии 1-го Прибалтийского фронта, продвигавшегося в сторону Риги.

Получив свежее подкрепление, дивизия действовала решительно и смело. Она плотным огнём подавляла вражеские узлы сопротивления, теснила фашистов к побережью Балтийского моря. Так продолжалось не один день. Увлёкшись контратакой, Василий Чигир с группой бойцов оказался на открытой равнинной местности. Стояла осень, радуя глаз своими яркими красками. Не успели пехотинцы осмотреться, окопаться, как с небольшой высоты застрочили немецкие пулемёты. Чигир получил ранение в руку. Товарищи отправили его в медсанбат.

При осмотре солдата хирург поставил неутешительный диагноз: гангрена. И добавил:

– Надо делать операцию, потом будет поздно.

После того, как ампутировали левую руку, Чигира переправили в Казань, где он находился на излечении. Демобилизовавшись по состоянию здоровья, приехал в Лешню. Она лежала в руинах. Фрицы всё-таки стёрли её с лица земли. Присел на камень и призадумался. Казалось, что ставшие песней трагические строки поэта Михаила Исаковского – это во многом и о нём:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

Жена брата, родом из другой деревни, перевезла на опустошённую усадьбу постройку, в которой раньше хранили зерно. В этой хатине и остановился фронтовик Василий Чигир. На четвёртый день к нему приехали председатель колхоза и председатель сельсовета и предложили должность главного бухгалтера сельхозартели. Никаких возражений не принимали:

— Человек ты грамотный и приличный. Люди тебя характеризуют положительно. Не тушуйся, с работой справишься. Желаем успеха!

Главный бухгалтер колхоза имени Ульянова Копыльского района Чигир быстро вошёл в курс дела и завоевал хорошую репутацию.

Пришла весна. Нужно было огороды засеять. Но запречь коня Василий одной рукой не мог. Не мог он и идти за плугом. Необходимо было что-то предпринимать. В газетах появились объявления о приёме в вузы. И он пошёл в соседнюю деревню на встречу с одноклассником Александром Попельским, впоследствии работавшим помощником первого секретаря Брестского обкома партии Петра Мироновича Машерова. Парня на фронте контузило, и его комиссовали. Школьные приятели переговорили и решили поступать в Минский юридический институт. Чтобы получить паспорт, требовалось согласие местных властей. Они учли положение ребят, пошли им навстречу. Василий и Александр, успешно выдержав вступительные экзамены, были зачислены студентами. Этот удачный выбор наложил отпечаток на всю их дальнейшую жизнь.

Чигир учился с азартом и на третьем курсе удостоился сталинской стипендии, которая была соразмерна среднему заработку хорошего работника.

— Тогда я уже ожил, — поясняет Василий Фёдорович. — Приобрёл себе костюм, ботинки, не пропускал театральные премьеры. Покупал много книг.

Преуспевающему выпускнику института предложили остаться в аспирантуре. Окончив её, он защитил кандидатскую диссертацию, читал курс лекций по гражданскому и колхозному праву.

В один прекрасный день молодого преподавателя вызвали в партком и сказали:

— Поедешь на село, будешь председателем колхоза.

— И тут я впервые ослушался, — резюмирует собеседник, — мотивируя отказ тем, что это не моя сфера деятельности.

В Белорусском государственном университете Василий Фёдорович Чигир покориł новые высоты — стал доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом БССР. В течение двух десятков лет заведовал кафедрой, 10 лет был деканом юридического факультета. Многие годы являлся председателем учёного совета и председателем экспертного совета ВАК. Гордится и тем, что оппонировал значительное число докторских диссертаций в Московском, Ленинградском, Харьковском и других ведущих вузах некогда нашей великой страны.

Значителен вклад, сделанный им в становление белорусской юридической школы. Им издано немало монографий, книг и сборников. В настоящее время под его непосредственным руководством завершается выпуск фундаментального трёхтомного учебника по гражданскому праву.

Чигир подготовил плеяду замечательных учёных, в том числе содействовал в написании докторской диссертации Валерию Николаевичу Годунову, возглавляющему ныне кафедру гражданского права БГУ. В дружном коллективе единомышленников сложилась здоровая морально-психологическая атмосфера. Каждый работает творчески, на совесть, проявляет государственный подход к совершенствованию учебного процесса.

В интеллектуальных кругах Беларуси Василия Фёдоровича знают как активного члена президиума республиканского общества “Знание”.

Заслуги профессора получили достойное признание Отечества. Он награждён орденами и медалями за трудовые свершения. Ему, как и профессору Головку, присвоено почётное звание “Заслуженный работник БГУ”.

Сердце ветерана радует бережное отношение к участникам минувшей войны. Ректор Белгосуниверситета, академик Сергей Владимирович Абломейко в торжественной обстановке высказал им слова признательности, поблагодарил за плодотворное участие в обучении и воспитании студенческой молодежи.

Очень сердечной была встреча и в Министерстве юстиции Республики Беларусь. Министр Виктор Григорьевич Голованов тепло говорил о легендарных героях войны и талантливых подвижниках науки.

Прочные корни пустила семейная династия. Дочь Ирина и внучка Елена получили юридическое образование, защитили кандидатские диссертации и слывут высококлассными специалистами. Значит, главное дело его жизни продолжается. И это называется счастьем.

Небо взяли под защиту

Первое впечатление, которое складывается о собеседнике С. Г. Дробязко, — интеллигентность у него в крови, хотя происхождения он сугубо крестьянского. С детства умел радоваться самому малому. Это придавало задор и энергию. Убежищем от тоски и скуки были книги. Их будущий профессор читал с увлечением. Под влиянием художественной литературы приходил к выводу: без патриотизма, нравственности человек, что дерево без корней.

Окончив школу с отличием, был призван в армию, получил направление в 224-й горнострелковый полк, дислоцировавшийся в 7 километрах от границы с Румынией. К Украине только что присоединили Северную Буковину, и бойцы обживались на новом месте. Строили казармы и узлы сопротивления, делали маскировку, налаживали службу оповещения и связи. Официальная доктрина гласила: если придётся воевать, то “малой кровью” и “на чужой территории”. И там мы врага разобьём могучим ударом.

Тем временем участились перелёты государственной границы немецко-фашистскими самолётами. “Хейнкели” и “юнкерсы” безнаказанно кружили на небольшой высоте, фотографировали объекты. Это вселяло тревогу.

— В нашей первой роте, — рассказывает Степан Григорьевич, — все служащие имели среднее или высшее образование. В мае 1941 года к нам приехали старшие офицеры из Серпухова и предложили поступать в Серпуховскую школу авиационных механиков. Раньше она готовила пилотов и механиков и выпускала младших лейтенантов. Теперь, в связи с её реорганизацией согласно приказа наркома обороны С. К. Тимошенко, из стен учебного заведения выходили только сержанты. “Рокировка” вызвала негодование у курсантов, но их быстро успокоили. Новое пополнение, среди которого был и я, уже никаких претензий не предъявляло.

Потекли напряжённые учебные будни. Лекции чередовались с практическими занятиями непосредственно на аэродроме, куда поступали новые типы самолётов. Надо было их технически грамотно обслужить, исправить возможные возникающие неполадки, поддерживать в высокой боевой готовности. Степан Дробязко показывал хорошее знание авиационной техники, за что удостоивался благодарности.

Когда разразилась война, курсантов перевели на ускоренный режим обучения. Этого требовала сложная обстановка. Противник смял в приграничных округах многие аэродромы, находившиеся в стадии реорганизации и перевооружения, уничтожил на них сотни советских самолётов.

Наши отважные лётчики дрались самоотверженно с превосходящими силами вражеской авиацией. Как писал немецкий генштабист Греффрат, за две недели боёв военно-воздушные силы Германии потеряли 807 самолётов, что явилось для вермахта полной неожиданностью.

Не считаясь со значительными потерями, Гитлер снял авиационные части с Западного фронта и дополнительно бросил на советско-германский фронт почти 5 тысяч самолётов, в том числе 500 финских и столько же румынских. Враг нагнул, добирался вглубь страны, подвергая бомбардировкам промышленные предприятия, оборудование которых пришлось эвакуировать из центральных районов в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь. Ровно через месяц после начала войны, в ночь с 21 на 22 июля 1941 года более 200 немецких самолётов волнами покатались на Москву, однако попали под заградительный огонь зенитных батарей и заградотрядов ночных истребителей, рассеявших массированный налёт, длившийся шесть часов. Лишь 4-5 машин долетели до столицы. Они беспорядочно сбросили зажигательные и фугасные бомбы, одна из которых, чудом не взорвавшись, пробила крышу и потолочное перекрытие Георгиевского зала Большого Кремлёвского дворца.

Встала проблема наращивания выпуска новейших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Наша авиационная индустрия с заданием справилась. Уже в 1942 году она произвела более 25 тысяч военных самолётов, что на треть больше, чем произвели заводы Германии. Это было подвиг тыла!

После окончания в Серпухове школы авиационных механиков Степана Дробязко спросили:

– Где хотел бы служить?

– Я сержант, куда пошлётё, туда и поеду.

Его послали в 722-й истребительный авиационный полк, охранявший так называемый Горьковский регион, который поставлял фронту порядка 60% вооружения, в том числе танки, самолёты и самоходные орудия. Задача стояла ответственная: не допустить бомбёжки предприятий, расположенных в данном регионе.

Небо над ним взяли под постоянную защиту. Немцы вынуждены были менять тактику. Вначале под покровом ночи пытался прорваться одиночный разведчик-корректировщик, сбрасывавший на парашютах лампы-осветители. За ним мелкими группами тянулись бомбардировщики в сопровождении истребителей. Тогда в воздух поднимались наши великолепные “тройки”: МиГи-3, Лаги-3, Яки-3. Провожая их в бой, Степан Дробязко с нетерпением ждал возвращения пилотов. Многие из них проявляли личную отвагу и храбрость.

Посты дальнего наблюдения доложили о приближении фашистского пирата. По сигналу воздушной тревоги к самолёту бросился лётчик Шаурин. Он дал истребителю полный газ, отпустил тормоза и понёсся к немецкому “хейнкелю”, стараясь поразить его очередями. Когда патронов не осталось, лейтенант пошёл на таран. Охваченная пламенем вражеская машина рухнула на землю. Шаурин выбросился с парашютом, добрался до аэродрома. За проявленное мужество лейтенанту первому в полку присвоили звание Героя Советского Союза. Степан Дробязко был рад за боевого товарища.

Спустя несколько дней в схватку вступил заместитель командира эскадрильи Табарчук. Он обнаружил “стервятника” и винтом своего истребителя отрубил ему хвостовое оперение. “Хейнкель” загорелся и развалился. Старший лейтенант удостоился высокой награды.

Интенсивность полётов возрастала, и Дробязко, по сути, не уходил с аэродрома. Таскал на себе тяжёлые баллоны для продувания систем боевых машин. Однажды почувствовал резкие боли в области живота. Врачи медсанбата констатировали: на 20 сантиметров опустился желудок. Старшину отправили в Горьковский, а затем в Ташкентский госпиталь. Опытные врачи излечили болезнь, и авиамеханик вернулся к сослуживцам. Его избрали комсоргом полка.

Крылатая мечта звала в небо. Как-то с молодым лётчиком Степаном направился в заданную местность. Ориентиром для посадки служила мельница. Но на горизонте показалась не одна, а несколько мельниц. У которой из них садиться, было неясно, и, чтобы не подвергать машину опасности, экипаж взял курс обратно на свой аэродром. Сумерки сгущались. Летавший только днём пилот не без помощи напарника выдержал экзамен на право управления самолётом в ночное время.

– Сполна проявили себя наши воздушные флота в последующих стратегических операциях, – продолжает Дробязко. – Они засыпали огнём и металлом вражеские позиции. Апофеозом стала грандиозная битва за Берлин. В первый её день советские лётчики в непростых метеорологических условиях совершили 17 500 самолёто-вылетов.

В освобожденные районы Беларуси для охраны территории перебазировался полк, в котором служил Дробязко. Лётчики-истребители приземлились в Витебске. Потом были Могилёв и Минск. Повергла в шок варварская дикость фашизма – города лежали в развалинах. Главным объектом внимания оказалось прикрытие железных дорог, по которым на Западный фронт непрерывным потоком шли военные грузы. Но у немцев уже отбили всякую охоту сюда летать.

– Весть о Победе, – говорит Степан Григорьевич, – встретили в Минске. Трудно словами передать радость и ликование, которые охватили лётчиков. У всех нас – русских, украинцев, белорусов, грузин, узбеков – была одна Родина, и мы её вместе защитили.

Лётные экипажи расквартировались в землянках, вырытых на окраине аэродрома по соседству с Лошицей. В одной из них расположились комсорг Дробязко с партгором полка. Боевые друзья-товарищи часто заводили разговор о мирной послевоенной жизни. Не теряя времени даром, Степан поступил на заочное отделение Минского юридического института. А когда в октябре 1945 года демобилизовался, перевёлся на стационар. Более того, бывшего

авиамеханика зачислили лаборантом кабинета политэкономии, избрали в состав партбюро факультета и заместителем председателя вузовского профкома. И потекли годы старательной учёбы, активной общественной работы. Незабываемым событием явилась поездка в Москву с преподавателем латинского языка Мельцером для отбора литературы в четырёх разрушенных войной библиотеках. В результате в Минск привезли вагон редчайших книг, которым не было цены.

Ближе к выпуску преуспевающего студента пригласили на работу в республиканскую прокуратуру. Руководство же института настояло на том, чтобы оставить его в аспирантуре. Дробязко с честью оправдал оказанное доверие. Подготовил и успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Ленинградском государственном университете. В этом престижном вузе он являлся членом учёного совета на протяжении двух созывов.

Последующая деятельность Степана Григорьевича связана с БГУ: 17 лет заведовал кафедрой теории и истории государства и права, выпустил ряд книг и учебных пособий, некоторые из которых неоднократно переиздавались, дал путёвку в науку многим молодым исследователям.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Комментарий декана юридического факультета БГУ, доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича **Балашенко**:

— **Талантливых учёных принято называть цветом отечественной науки. В этом ярком созвездии достойное место занимают наши именитые профессора, участники Великой Отечественной войны А. А. Головки, С. Г. Дробязко, А. В. Дулов, В. Ф. Чигир и Н. Г. Юркевич. В ранней юности на их долю выпали неимоверные трудности и много славы. Как истинные патриоты, они пронесли сквозь бои-пожарища непоколебимую верность воинской присяге и священному долгу защитника родного Отечества.**

Р. С. Два года назад из жизни ушёл Анатолий Александрович Головки. А его боевые друзья, титулованные учёные, продолжают сеять разумное, доброе, вечное, веря, что наши три братских славянских народа “в великую семью соединятся” (А. Пушкин).